

Сочинение романа у исторического писателя предваряется, как правило, большой изыскательской работой. На неё иногда уходят годы, а то и десятилетия. Олегу Слободчикову, автору нескольких исторических романов на сибирскую тему, пришлось основательно потрудиться — засесть за изучение архивных документов, дошедших до наших дней, тщательно изучить материалы Сибирского приказа, прочитать кучу всяких челобитных, отпускных грамот, ясачных и долговых записей, да мало ли чего? Только после основательного знания первоисточников позволительно писателю-исследователю «сметь своё суждение иметь» — что же происходило в действительности, насколько достоверно то, что писали до него по этому поводу. Писатель Слободчиков заслужил это право — в знании истории освоения Сибири от Байкала до северных морей он вряд ли имеет соперников даже среди историков-профессионалов.

Писателя Олега Слободчикова подвигло взяться за роман понимание того, что, несмотря на солидную научную и публицистическую «сибириаду», художественное отображение истории сибирских походов, в сущности, ещё и не начиналось. Правдивого, образного слова, соотносимого с дерзновенным подвигом первопроходцев, людей «бунташного» семнадцатого века, ещё не найдено. Не создано объёмного, многокрасочного полотна, где бы во весь рост явились эти «государевы люди», готовые непременно, во что бы это не стало, дойти до «Великого камня», т.е. до ЕСТЕСТВЕННЫХ ГРАНИЦ державы Российской. Романы Слободчикова «Пенда», «Похабовы» и «Первопроходцы», на мой взгляд, — первое серьёзное приближение к образному осмыслению этой темы. Писатель знает, что в Сибирь каждый шёл за своим: кто за богатством, мягкой рухлядью, за дорогой мамонтовой и моржовой костью, кто за чинами и славой, но чем бы ни руководствовались казаки, купцы, всякие охочие и промышленные люди, они имели в виду именно эту, самую главную «государеву заботу» — «ногою твёрдой стать при море», хоть и студёном. Это так. Все они «государевы люди», это хорошо известно из учёных трудов. А задача романиста состоит в том, чтобы «прояснить лицо» каждого из них. Была у писателя и другая цель — исправить несправедливость по отношению к некоторым землепроходцам.

С давних пор на слуху имена Семёна Дежнёва, Ерофея Хабарова, Витуса Беринга и др. Но несметное число не менее славных имён со временем исчезло из народной памяти, из столбцов Сибирского приказа, иные и вовсе нигде не значились, ни в челобитных, ни в отпускных грамотах сибирских воевод и сотников. Неведомыми остались их подвиги, служение на благо державы российской.

Конечно, и до организованных государством походов в Сибирь и на Дальний Восток приходили русские, селились, сеяли хлеб, охотились, приспособлялись к новым, непривычным условиям бытия: не покоряли, а уживались с немирными местными народами, где анаулы и ламуты бились то между собой, то с воинственными коряками, а самые многочисленные в приполярье народы, якуты, бились не только с соседними народами, но и между собой, род на род. Эти первопоселенцы

проходят в романе неаявственно, то видишь их приметы в характере крепостей ламутов, которые могли быть построены лишь русскими, то в слухах о высоких белых людях, живущих здесь издревле. Не раз первопроходцы слышали бывальщины о старорусских скитах и городах на Амуре, о Сибирской или Беглецкой Руси.

Но в семнадцатом веке всё изменилось. Правительство почуяло угрозу лишения этих земель — не только Япония, но и могущественная морская держава Англия поглядывала с вождедением на Сибирь. Китай вроде ещё спал, но ведь и в те поры он уже был многомиллионным. Надо было охранять осязаемый государев доход от продажи пушнины, добывать металл — много в Сибири железа, о том докладывали царю рудознатцы. Ходили слухи, что и серебро есть в Сибири, неплохо было бы избавиться, наконец, от этих иноземных ефимков. Была ещё забота, хоть и не сегодняшняя — поискать новые торговые пути. Освоение Сибири и Дальнего Востока стало важнейшей государственной задачей.

Роман Олега Слободчикова посвящён людям, которые хотели дойти до конца «Великого Камня», хребта, протянувшегося от Байкала до Камчатки и Анадыря. Пришла пора осваивать Сибирь казачьими отрядами, экспедициями и ватагами, а потому роман густо населён людьми. Это многолюдье вначале озадачивает, вроде бы и не поймёшь — а кто в романе главный, за кем следить, вокруг каких персонажей строится сюжет. Но постепенно автор ненавязчиво даёт понять, кого он намерен выделить из толпы, через чью судьбу и деяния решил раскрыть историю. В любом отряде или ватаге, в любом сообществе есть люди, которые определяют исход дела. В романе это не только Михай Стадухин, это и его земляки Семён Дежнев и Семён Мотора, Юрий Селиверстов, Федот Попов и др. А всё-таки Михай Стадухин кое-чем от них отличен — он пришел сюда с семейством, рядом с ним братья, которые, как и сам старшой Стадухин, Михай, обзавелись в Сибири семьями. Воеводы, купцы, промышленные, охотники, всякие прочие соуженники и покрученники — все они важны, все герои, всем досталось. Но они, всё-таки, явлены читателю почти всегда рядом со Стадухиным. Сразу стало легче.

Первопроходец Михайло Васильевич Стадухин значился в документах. Известно, что он дослужился до звания атамана, но не снискал не только славы, так его манившей, но даже и достатка. Не сохранил Михай Стадухин неожиданно случившейся на сибирских дорогах любви. Не создал, в сущности, семьи. Словом, по всем человеческим меркам счастливым его не назовёшь. И удачливым тоже. Не раз бывало, что ладно выбранные, отлаженные Стадухиным зимовья скоро получали разряд государевых и превращались в остроги, но всё это приписывалось его более удачливым соратникам.

Поморцы Михай Стадухин с братьями пошли в сибирский поход из-за желания поправить семейные дела. Недостатки да нехватки, семья-то большая, а там казённый харч, да и, по слухам, между делом можно промышлять соболем, смотришь — нужда отбежит, вернутся на Русь, большой пятистенки поставят. Заживут.

Да только все сложилось совсем не так, как думалось. Михай Стадухин попал на войну. Мало того, что приходилось отбиваться от местных «инородцев», которые, естественно, не все и не сразу поняли, зачем и почему они должны русскому царю ясак платить. Приходилось выяснять отношения «со скандальными омичами да краснойярцами», которые умудрились собирать с местных ламутов и коряков двойные поборы — для царя и для себя. Стадухин сразу определил себя «государевым человеком» в той земле, где «до сей поры русских людей не было, а

тамошним народам нужен мир и государев порядок» (С.408). Пришлось на второй план отодвинуть материальные заботы, стать воином. Тем более, что и дело привычное. Как говорил его товарищ, казачий сотник Иван Губарь Постник: «Если стрельбой пахнет, то Мишка всему голова. Он за версту врага чует». Теперь его забота — государству добыть новые земли, а себе чести.

А на чём, кроме воинских навыков, основаны его упования на успех? Что он за человек? Прежде всего Стадухин — человек сметливого ума. Прибыв на место службы, он скоро обнаружил, насколько полярны и часто непримиримы были интересы тех, кто шёл в Сибирь, следовательно, само это предприятие могут спасти люди с крепким государственным стержнем. Стадухин понял, для чего он пришел сюда — не только удержать землю, что до него приобрели, но и добавить новую, ту, что за Камнем. И хоть на этом пути его ждут чаще шишки, чем пышки, — он настроен выполнить свою миссию до конца. Жизнь в условиях войны с немирными здешними народами и суровой природой, непривычное для русских бесхлебье, голод быстро охладили его привычку «соборно» решать дела. «Зря я тебе перечил, — признался он позже Дежнёву, — хотелось ладить с людьми по русской старине, править соборно, не как ты, а получались раздоры». Раздоры случались и тогда, когда он пробовал, как главный в отряде, власть употребить. Далеко не все его соотрядники были настроены разделять его энтузиазм — в конкретных сибирских походных условиях это не всегда годилось.

Стадухинская поморская натура, не терпящая нечестности в службе, вредила ему не только в отношениях с казаками. С воеводами (сколько их, проворовавших, при нём сменили?!) он тоже не ладил, был у них не в чести. Порывистому, беспокойному и бескомпромиссному Стадухину явно не хватало расчёта, чутья соратника и соперника Стадухина Семёна Дежнева. Этот персонаж более чем другие первопроходцы пригодился автору романа по вполне понятным причинам: картина освоения Сибири без Дежнёва неполна, а главное, Стадухин и Дежнёв — одноземельцы, они более ревностно относятся к удачам и неудачам друг друга.

Не только в глазах Стадухина, но и на самом деле Дежнёв был более добычливым. «С таким богатством в Якутский острог не возвращался никто» (С.507). Спокойно, без особых страстей, Дежнёв трижды женился (и даже, от греха подалее, венчался) на якутках, пустил, надо думать, в Сибири свои крепкие корни. Так же, как и Стадухиных, в Сибирь Дежнёва погнала нужда. Так же, с риском для жизни, волочился он по тундре, горам, прорубался на кочах сквозь льды студёного моря. И точно так же, как и Стадухин, богатства не нажил — часто не хватало денег, чтобы расплачиваться с заёмщиками, перспектива правёжа за кабалу всегда была рядом. Только и радости, что в Москве умереть пришлось, но об этом Стадухин, погибший раньше этого в походе с Алазеи на Колыму, знать не мог. Им бы вместе, в одной ватаге, искать пути за Камень, да не вышло — они идут по своим следам, натываются на стоянки друг друга. Семён Дежнёв чаще бывает прав. И когда Стадухин понял, что Дежнёв его опередил, первым вышел к Анадырю через горы, пережил это как крах всех своих надежд. Пережил, видимо сильнее, чем потерю последнего добра и даже семьи, которую он принёс в дар своей цели — дойти до конца «Великого Камня».

Перед трудным походом на Индигирку и Алазею Стадухин посетил Дежнёва в Якутском остроге, где тот с семьёй «получил клеть». Стадухин хотел повиниться перед товарищем, бывало, завидовал ему. А чему завидовать? Как оказалось, никто из них судьбы не переиграл — ладно, что живы еще: «Только мы с тобой оста-

лись на одну счастливую судьбу», — решил Стадухин. Он, как, видимо, и Дежнев, понял — взвешивать их судьбу на счастье достанется другим.

Несмотря на некоторую эскизность в разработке характеров Стадухина и Дежнёва, Олег Слободчиков явно обозначил в романе два подхода к своему делу у самих первопроходцев и, попутно, до сих пор бытующих у российских и сибирских исследователей два взгляда в оценке характера всей сибирской кампании семнадцатого века. С государственной точки зрения всё понятно. Там, как всегда — мы за ценой не постоим. А вот с человеческой, что, собственно, и должно интересовать художника, всё сложнее. Одни историки («государственники») успех всего предприятия склонны всецело приписать рационализму, чётко поставленной государством цели (неужели кто-то твёрдо в Кремле знал, что их там, в этой неведомой Сибири, ждёт? И всё мог предвидеть?). Другие явно склонны отдать лавры больших и малых побед духу авантюризма и романтизма, разным охочим людям из самостийной вольницы. Такие тоже были, и многие вошли в историю. Художник, в отличие от учёного, обязан различать полутона. Олег Слободчиков наделяет героев романа «Первопроходцы», даже и шедших в сибирский поход по долгу службы, например, Михея Стадухина, Семёна Дежнева, Юшку Селивёрстова некоторыми романтическими иллюзиями. Автор не скрывает, что на тундряных, буреломных и ледяных кочевьях каждый (кто как, с разной скоростью, при разных обстоятельствах), но с неизбежностью мог подрастерять дух здорового авантюризма. Но что бесспорно — без него не выжить. И не узнать, а что там, за «Великим камнем».

Он был, этот дух русского беспокойства. Даже у тех, кто ехал с определённой целью — обогатиться, продать жито, купить соболей, самый доходный товар на Руси, или, на худой конец, лис да куниц. Купцы Баевы, Катаевы, Кошкины, Костромины везли в Сибирь хлеб. Он не давал забывать казакам, казённым и своеохочим, Родину. У многих из них родная сторона только в думках и осталась. В надежде на удачный сезон отрядные казаки заключали с купцами сделку, «кабалились» за хлеб, металлическую утварь и т.д. И купцам не позавидуешь — им часто приходилось идти с казаками в походы, чтобы на необозримых сибирских просторах не потерять своих должников из виду. Бывало, вместо барыша, купцы оставались с долговыми бумажками, «кабальными грамотами» — нечего было со служивых взять, соболя были не всегда, охотничьи уголья, особенно возле казачьих становищ, быстро скудели. И тогда Костромины, Баевы да Кошкины наравне с отрядниками волочились по горам и болотам, плыли на кочах по ледяному морю, охотились, сами мездрили пушнину, помогали строить зимовья, вместе с казаками оборонялись от набегов ламутов, алаутов, коряков. Словом, были первыми помощниками в походах на Восход. Мёрзли, гибли. Были теми, кем прибывала русская земля. Первопроходцами.

Русские люди, прибывшие даже с северной Руси, не говоря уже о людях центральной России, столкнулись с величественной, равнодушной к суете людей природой. Реки здесь не смиренные, порожистые, их не укротишь. Не зная их нрав, тотчас в беду попадёшь. Это стихия, неуёмная и не предсказуемая. Сколько людей она погубила: «Вода сытой не бывает» — говорил многоопытный Пенда. Надо успеть всего, считай, за пару месяцев пройти тысячу вёрст, через горы перевалить да море, чтоб льды кочи не затёрли, по чистой воде перескочить. Известно, что поморцы Руси славились умением строить кочи, и оно пригодило — казаки строили их быстро и надёжно. От этого зависела жизнь отряда. Кочи, где бы они ни плавали — на реке или в море, предстают у писателя какими-то живыми суще-

ствами. В одном месте романа коч, стоящий сиротливо на берегу во время отлива, вызывал прямо-таки сочувствие, а когда пришла вода, захотелось за него порадоваться — коч соскользнул на воду, закачался, оживая.

С первых страниц романа пейзаж представлен читателю как действующее лицо. Приполярье, Индигирку и Алазею (по крайней мере у меня сложилось такое впечатление) Олег Слободчиков хорошо знает — не однажды, как и его герои, любовался дикой красотой этих мест, волшебными сибирскими внесезонными закатами и восходами, короткой радостью сибирской осени. Но в романе природа, как правило, не просто ландшафтная видовая картина, она живая, сотоварищ в походе или недруг, от неё многое зависит. В походе Стадухин прежде всего с ней согласовывает план действий. Иногда природная жизнь вторгается в сознание людей неожиданным образом. Усталые казаки проводят коч через буруны порожистой Чуны. Обычно, стараясь перекричать её рёв, напрягают голос, а тут вдруг замечают, что говорят-то обычно, без натуги — прошли, слава Богу, пороги. Читая описание природы, понимаешь, зачем оно здесь — надо спешить, лето-то короткое, с воробьиный скак. Вот, на мой взгляд, пример не просто визуально убедительного пейзажа. «Казалось, совсем недавно наступило лето, были пройдены студёные буруны верховьев Оймьякона. Но вот уже местами по-осеннему желтели равнинные берега и кочки. Протока расширялась, волны становились положе, всё сильнее раскачивали коч, вскоре глазам открылась бескрайняя гладь моря и безоблачное небо над ним. С полуденной стороны раскинулась унылая тундра, с полуночной — колыхалась яркая синева вод, вдали белела полоска льдов, за ними в дымке виднелись горы» (С.115).

Образом сибирской природы, вроде бы прирученной и всё-таки дикой, выступает в романе медведь. Прикормленный Стадухиным сирота-медвежонок, обретаемый от голодных отрядников, не однажды готовых его убить, повзрослев, уходит в тайгу. Но он всегда рядом, будто следит за своим спасителем — приходит к нему не то вяве, не то в каком-то мороке. А однажды медведь явился Стадухину в образе ламута Чуны. Медведь-Чуна — важный в романе символ двуединого бытия, сосуществования человека и природы, столь естественного для сибирских народов. Стадухин уразумел, общаясь с Чуной, что этот дикий ламут многое понимал даже лучше, чем «государевы люди» и сам государь. «Духи научили умереть», но они же и говорят: «Если мой народ победит — его не станет! Будет воевать друг с другом, пока не истребится». Чуна знает, что в условиях нескончаемых войн всех со всеми только государева рука может быть спасением для его народа и народов Сибири. Надо только «правильно» ему говорить «слово государево», и тогда даже воинственные коряки, уже знающие ружейный бой, примут государево покровительство. «Государево слово», где поданным грозит стать «холопами», не согласуется с простодушной этикой Чуны.

Чуна знает, что говорит. Он духов слушает.

Олег Слободчиков предлагает читателю вместе с ламутом Чуной порассуждать: как можно определить то, что в исторических учебниках значится под нейтральным понятием «присоединение Сибири к России»? Завоевание? Весь ход событий сопротивляется такому определению — даже западные историки считают его не корректным. Так что же это на самом деле? Писатель подслушал, а может быть и сам нашёл нужное слово — «прибранная для государства российского земля», прибранная вместе с народами, которые в силу этнического и культурного многообразия неспособны к государственности. В слове «прибрать» — многомерность

деяний, усилий, тягот, ошибок и просчётов первопроходцев и правительства, особенно на начальном этапе освоения Сибири. «Переменился народишко» на просторах Индигирки, Лены, Алазеи. Первопроходцы чувствуют это на собственной шкуре. Назревает конфликт между государством, которое не понимает, что условия жизни изменились, тайга сободем и зверьём оскудела, что в Сибири можно по-другому жить и хозяйствовать. А из Москвы не всё видно — она по-прежнему смотрит на Сибирь только как на источник дарового, от тайги, дохода. Уже многие русские, женившись на ламутках и якутках, намерены здесь осесть, осваивать земли, сеять хлеб, разводить скот. Вот и Стадухин на желание брата и племянника обойти Камень от Колымы до Пенжины, возражает: «Куда идти? Всё уже пройдено нами, кончилась земля, искать больше нечего, надо устраиваться на том, что есть» (С.531).

Мысль о том, чтобы осесть где-нибудь в Сибири, посещала всех Стадухиных. Тут и золото, последний соблазн и надежда, подвернулось — Гришка Татаринов нашёл самородок и стал уговаривать Стадухиных — «найдем золото, при нём получим тихую службу для себя и для детей». (С.534). «А с другой стороны, — рассудил здраво Михай Стадухин, — найдём золото, тут же заведут московские сидельцы свои порядки, отберут. Уж если здесь хозяйствовать, то можно и без соблазнов для Москвы, а то что? Опять бросай обустроенную жизнь?» В этом раскладе был резон — многие первопроходцы не порывали связи с родиной. Михай ездил в Москву с государевой казной, привёз недобрые вести. На Руси раздор, попы не могут договориться, как службу править, как креститься. Царь папистов привечает, те учат как русскую веру извести. Все ждут конца света. Не тянет на Русь. Да и Колыма зовёт...

В этом походе на Колыму в схватке с ламутами погиб Гришка Татаринов. Михай Стадухин был тяжело ранен. Последние страницы романа многое проясняют в замысле писателя.

«Атаман чувствовал только одну из своих рук, ещё боль в груди и животе. Он попробовал придвинуться к лежащему навзничь Гришке, но в глазах потемнело, всё завертелось и придавила темень. Потом едко запахло зверем и стало тепло. Атаман увидел над собой знакомого медведя, рано поднявшегося из берлоги. Шершавым горячим языком зверь лизал онемевшую руку, и в неё возвращалась боль.

— Чуна! — сипло простонал Стадухин. — Твоя взяла! Победил-таки!

Медведь без зла продолжал лизать руку, вместо того, чтобы грызть её. И Михай понял, что ему нужно. Преодолевая боль, подполз к закованному Гришке, нашарил под его одеждой мешочек с самородком, вытряхнул золото на бесчувственную ладонь и протянул медведю. Рука, шарившая по осклизкой выстывшей груди убитого, приняла от неё холод, по телу пошел озноб. Медведь одним махом слизнул с ладони камушек, как какую-нибудь муху, и прилёт, согревая Стадухина жаром своего тела. Посопев возле уха, сварливо заворчал голосом Чуны:

— Ты всё понял, Мишка? Дал царю руку — пусть берёт, дал сободем — пусть одевается и богатеет, но золото в реке не для него и не для нынешнего века. Оно для тех, кто ещё не родился. Нельзя брать чужого — верхние люди этого не любят.... Верхние люди награждают по-другому...»

Это звучит как завещание всем сибирякам.

Надо, конечно, поговорить и о художественной стороне романа, хотя понимаю, что это лучше сделают литераторы и литературоведы. Я же скажу об общих

для всех искусств свойствах, например, о композиции, построении романа. Перед писателем встала сразу сложнейшая задача — как связать в нечто цельное такую кучу народа, где каждый шел своим маршрутом, имел свою цель и свои приключения. Решила взять карту и следить — кто куда пошел. Но это затея для тех, кто считает, что автор обязан дать достоверную маршрутную карту, по которой все желающие смогут повторить путь наших славных предков. Такие читатели, конечно, есть и будут впредь. У меня же, честно скажу, не было охоты дотошно пройти по их следу.

Не это главное. Главное — думы, чаяния, судьбы тех, кто выбрал тяжкий путь землепроходцев в земли незнаемы. Конечно, у многих из них, и служивых и охотчих, одна судьба — погибнуть за государево дело без жалованья и благодарности. Но и жили и погибали люди по-разному, по-разному переживали то, что им судьбой было уготовано, и у каждого в душе остался свой след от пережитого. Мне интересны детали. В этом смысле новый роман Олега Слободчикова может удовлетворить самого опытного читателя.

С удовольствием отметила умение автора одним штрихом обрисовать человека. «Семейка Мотора выглядел тихим и покладистым, чему способствовали маленький скошенный подбородок и губа, грибок нависшая над ним». «Губа грибок», не однажды повторённая в тексте, визуальна значима, запоминается, как усики маленькой княгини Болконской. Радостно было вспомнить слово «лику-ясь», передающее не просто жест этого древнего приветствия, а необыкновенные чувства, сокрытые в самом звучании этого слова. (С.118, 339).

В основу романа положен большой исторический материал, он может служить прекрасным подспорьем для всех, изучающих историю Сибири. В романе можно встретить неожиданные факты, полузабытые даже коренными сибиряками народные обычаи. Привлекает ясность изложения, нет перебора в использовании слов из устаревшей лексики. Встречается и некоторая «непричесанность» слова, иногда в романе она благополучно сходит за особенность авторского стиля, но меня, например, тоже озадачило — как можно «озадаченно выругаться» или «неприязненно задрать нос к потолку». (С.109). И ещё замечание — неплохо было бы, как в романе «Похабовы», дать словарь — кто такие ясыри, покрученники, своеуженники, узнать, что такое аргиши и «баня с суслёнками», коломенка, синий одекуй, ветка с берёзовым бочонком и др. Надеюсь, автор учтёт это пожелание в последующих изданиях романа.

Роман Олега Васильевича Слободчикова заканчивается так: Тарх «склонился над братом, обдавая его теплом дыхания, закричал:

— Мы ещё Камень обойдём, всему свету покажем Стадухиных! Ты держи дух, не выпускай!».

Сибирь позволила состояться людям особого стадухинского замеса. Он и стал основой того характера, который называют сибирским. Этот особый сибирский дух давно тревожит романистов, авторов различных «сибириад». В этом ряду творчество Олега Слободчикова по праву занимает особое почётное место. Основательный исторический фундамент, на который автор опирался при работе над романом «Первопроходцы», не давит на читателя, он умело и, я бы сказала, деликатно вплетён в художественную канву повествования. А потому книга будет интересна не только любителям истории, но ценителям хорошей крепкой прозы.